

Цзян Фу потёр нос. Это была уже вторая отповедь за сегодня. Но что поделать, первый был его почтенный учитель, а второй — сын почтенного учителя и, соответственно, его старший брат по обучению. Против кого бы он ни пошёл, он мог лишь смиренно терпеть и заискивающе улыбаться в надежде, что они сменят гнев на милость.

Учительница Хуан, обращаясь к родителям, наконец начала беспристрастно излагать суть инцидента, сопровождая свой рассказ видеозаписью с камеры наблюдения.

На записи было отчётливо видно, что вначале Фэйфэй и Цзян Хань не разговаривали и, похоже, даже не были знакомы.

Прошло около десяти минут, и вот уже Фэйфэй, пытаясь увернуться от Цзян Ханя, спотыкается и падает на пол.

Теперь, имея на руках видеодоказательство, даже мать Цзян Ханя, как бы она ни защищала своего сына, вынуждена была признать, что он был неправ.

Но она всё же не удержалась и тихо пробормотала:

— Даже если Сяо Хань и был неправ, нельзя же было звать столько народу, чтобы напугать его, да ещё и стульями кидаться.

В этот момент Фэйфэй был далеко от Чжан Сяоху, и тот презрительно фыркнул:

— И что? Это я стул поднял. Если он ещё раз обидит Фэйфэя, я снова его подниму. А если ещё раз — то и на голову ему обрушу.

Видя, как Фэйфэй плачет на руках у своего старшего дедушки, Чжан Сяоху чувствовал, что не доработал. Нельзя было просто напугать. И вообще, не стоило слушать Фэйфэя и позволять ему идти одному. У Фэйфэя была одна плохая черта — он был слишком правильным. А с ними, бесшабашными, с которых как с гуся вода, никто бы ничего не сделал.

Мать Цзян Ханя побагровела от ярости. Она уже хотела было ответить, но, видя, в каком положении оказался её муж, который уже дважды получил резкий отпор, сдержалась.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — прошипела она. — То ты говоришь, что это ты поднял стул, то он. Вы что, за обезьян нас держите? Наша семья в городе С, может, и не самая влиятельная, но мы не позволим так себя унижать!

В этот момент в кабинет тихо вошёл Цзян Хань.

И женщина увидела, как её родной сын подходит к тому самому ребёнку и сам же её подставляет.

Цзян Хань выглядел немного смущённым, но всё же, глядя на Фэйфэя, сказал:

— Ладно, я тут подумал снаружи. Это я виноват. Не надо было тебя обижать.

Дружки Цзян Ханя, которых всё ещё держали, зажав рты, выпучили глаза. «Босс, это ты? Что с тобой случилось, пока ты был за дверью? Ты изменился! Верни нам нашего задиристого, неразумного босса!»

Цзян Фу тоже не мог поверить своим ушам. Его сын извиняется перед кем-то? Обычно, когда перед ним извиняются, он ещё и нос воротит.

Фэйфэй ещё не успел ничего сказать, как вперёд выступил Линь Яо, который только что оправился от простуды, но всё равно приехал. Его лицо покраснелось от жары, но сейчас казалось, что оно покраснело от гнева.

Он вытянул свою пухлую ручку, преграждая Цзян Ханю путь к Фэйфэю, и сердито крикнул:

— Ты обидел брата Фэйфэя, не подходи к нему!

Цзян Хань, хоть и извинился перед Фэйфэем, перед Линь Яо пасовать не собирался. Он задрал подбородок и свысока посмотрел на него:

— Это наше с Линь Лэфэем дело, тебя, мелюзга, это не касается.

Но и Линь Яо был тот ещё задира.

— Не смей называть моего брата по имени!

— Почему это не смей? Имя для того и нужно, чтобы его называли. Вот назову, назову.

Линь Яо толкнул его.

— Не смей! Не смей, слышишь? Ты обидел Фэйфэя, тебе нельзя называть его по имени!

Цзян Хань отступил на пару шагов, но в позе не уступил. Услышав слова Линь Яо, он с удвоенной громкостью возразил:

— Кто сказал, что я его не люблю? Если бы я его не любил, зачем бы я к нему приставал? Почему я к другим не пристаю, а только к нему? Разве это не доказывает, что он мне нравится? Когда я велел схватить этого маленького блондина, а тот не отпустил его, я ещё велел им быть поосторожнее. Почему ты говоришь, что я его ненавижу?

На самом деле, это была их первая встреча, и говорить о каких-то глубоких чувствах было бы смешно. Даже мифический зверь не может управлять тончайшими движениями человеческой души.

Если вы спросите Чу Сяоханя, Цуй Юаня, Лян Ханьюя и многих других, почему им так нравится Фэйфэй, они, скорее всего, ответят, что это произошло само собой. При первой встрече он просто кажется красивым, а внешность, что у взрослых, что у детей, всегда производит впечатление.

Потом ты понимаешь, что с ним рядом спокойно и радостно. Хочется быть с ним всё время.

А потом ты обнаруживаешь, что за этой внешностью скрывается такая же прекрасная душа. Он похож на что-то невероятно мягкое, прозрачное и красивое, что хочется защищать, носить на руках. Но когда ты подходишь ближе, то видишь, что этот, казалось бы, мягкий малыш иногда бывает очень смелым.

И с каждым днём ты любишь его всё больше. Пока эта любовь не начинает переливаться через край.

Всё это к тому, что у людей чувства накапливаются постепенно. Цзян Хань только что познакомился с Фэйфэем, и хоть его слова и были искренними, по большей части он просто спорил с Линь Яо, поэтому преувеличивал и приукрашивал.

«Я его люблю. Почему ты не разрешаешь мне его любить?» — сыпал он словами, как из рога изобилия, чем привёл Линь Яо в бешенство. Тот уже сжал кулаки, готовый пустить их в ход.

Видя, что Линь Яо растерялся, Цзян Хань почувствовал себя победителем и обрадовался.

Но когда он опомнился и понял, что наговорил, его лицо вспыхнуло красным, как задница макаки.

И Цзян Хань, который так стремительно ворвался в кабинет, так же стремительно выбежал вон, оставив своих родителей в крайне неловком положении перед всей семьёй Линь.

Что тут скажешь.

Это как если бы вы, думая, что вашего ребёнка обидели в школе, примчались разбираться, а оказалось, что ваш ребёнок сам задира. И не успели вы решить, извиняться или нападать в

ответ, как учитель показывает вам видеозапись, а ваш ребёнок врывается в кабинет и выдаёт пламенную речь: «Я его обижаю, потому что хочу привлечь его внимание, он мне не отвечает».

Цзян Фу чувствовал, что взгляды его почтенного учителя и старшего брата по обучению изменились. Как будто они смотрели на него и думали: «Смотри-ка, у этого дурака и сын такой же».

Наконец, его младший из старших братьев по обучению, то есть младший сын третьего дедушки Фэйфэя, Линь Юаньсун, похлопал его по плечу и посоветовал:

— Цзян Фу, ты бы не только работой занимался, но и ребёнком тоже. Смотри, какой хороший мальчик... — почти превратился в идиота под влиянием твоей жены.

Если сейчас не исправить, то, не ровен час, вырастет и будет верить в эти глупые сериалы про властных президентов, которые похищают сердца, почки и матки. Любишь — значит мучаешь. Любовь-то будет, да и до тюрьмы недалеко.

Говорят, что в три года виден характер, а в семь — вся жизнь. Воспитанием нужно заниматься с пелёнок. Если Цзян Фу сейчас возьмётся за ум, то ещё не всё потеряно.

Цзян Фу, казалось, увидел спасительную соломинку. Он схватил единственного человека, который заговорил с ним, и с благодарностью воскликнул:

— Старший брат по обучению...

Линь Юаньсун отдернул руку.

— Кто тебе старший брат по обучению? — Я просто не мог смотреть, как ребёнок катится по наклонной, и решил дать совет. Кто этот человек, почему он ко мне липнет? Был ли у меня тридцать восьмой младший брат по обучению? Кажется, нет.

Линь Юаньсун с холодным лицом вернулся в строй семьи Линь.

Эта выходка Цзян Ханя сбила с толку не только его родителей, но и Фэйфэя.

Он моргнул и, посмотрев на отца, спросил:

— Папа, так делать нельзя, правда?

Линь Сынянь подтвердил:

— Конечно, нельзя.

— Так он хотел подружиться с Фэйфэем, поэтому так делал?

Вмешался Цуй Юань:

— Фэйфэй, не думай об этом. Просто знай, что так делать нельзя, и не бери с него пример. Если будешь так делать, то никогда не найдёшь друзей.

Фэйфэя в детском саду хорошо защищали, единственный раз, когда его кто-то обидел, это когда один мальчик изрисовал ему одежду. Но тот мальчик быстро извинился и больше ничего не говорил.

Фэйфэй серьёзно кивнул. Он, всё ещё сидевший на руках у старшего дедушки, как маленький ленивец, медленно потёр личико и поделился своим мнением о дружбе:

— Если тебе кто-то нравится и ты хочешь с ним дружить, то нужно быть с ним добрым. Говорить с ним, играть, защищать, когда его обижают. Тогда он поймёт, что нравится тебе, и станет твоим другом.

Слушавший это Линь Юйцин кивнул и с гордостью посмотрел на Цзян Фу, как бы говоря: «Смотри, смотри, как хорошо мы воспитали нашего Фэйфэя. Вот как надо дружить, понял?»

Поскольку один из главных виновников инцидента сдался другому, с остальными детьми разобраться было несложно.

Всем присутствующим детям, кроме Фэйфэя, было велено написать объяснительную на пятьсот иероглифов. Чжао Ци и Цзян Ханю, как зачинщикам, досталось больше всех — тысяча иероглифов.

В первый день в начальной школе уроков почти не было, дети получили новые учебники и могли идти домой. Настоящая учёба должна была начаться со следующего дня.

Выйдя из кабинета, Фэйфэй шёл в окружении своих друзей.

Дети из группы «Гого», которых вызвали в школу, шли с гордо поднятыми головами, как будто не объяснительные писать их заставили, а наградили за победу в битве.

Родители, с недоумением смотревшие на своих отпрысков, не понимали: вас же вызвали в

школу, почему вы выглядите так, будто только что с церемонии награждения?

Один из детей, идя рядом с Фэйфэем, сказал:

— Фэйфэй, если что, не бойся. Как и в этот раз, крикни в коридоре, и мы все придём.

Этот ребёнок сказал слова, которые согрели сердце Фэйфэя:

— Фэйфэй, ты наш самый лучший Фэйфэй из группы «Гого», и пока мы рядом, никто тебя не обидит.

Чжао Ци, проходивший мимо со своей группой второклассников из «Гого», сказал:

— Мы — настоящая группа «Гого», а вы, прouchившиеся с Фэйфэем всего год, — подделка. Фэйфэю достаточно нашей защиты.

Первоклассники из «поддельной» группы «Гого» тут же возмутились:

— А вы сегодня пришли последними!

Чжао Ци потряс черновиком, который он где-то раздобыл.

— Мне нужно написать тысячу иероглифов, а вам — всего пятьсот.

С точки зрения учителя, чем серьёзнее проступок, тем длиннее объяснительная. Но с их точки зрения, это была не объяснительная, а медаль за защиту Фэйфэя!

Кто написал больше, тот внёс больший вклад!

Пятьсот иероглифов остальных по сравнению с тысячей Чжао Ци выглядели жалко.

Фэйфэй стоял на месте, его красивые большие глаза были полны недоумения. Почему Цици так гордится тем, что ему нужно написать объяснительную на тысячу иероглифов?
